

УДК 94(47).048

DOI: 10.37279/2413-1741-2021-7-2-20-38

ГАРНИЗОН СЕЛЕНГИНСКА И УЧРЕЖДЕНИЕ КОННОЙ СЛУЖБЫ В 1690–1693 ГГ.

Багрин Е. А.

*Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: Egor-bagrin@yandex.ru*

На основе неопубликованных и опубликованных источников, в статье рассматривается гарнизон Селенгинска в 90-е гг. XVII века. Этот период в Даурии связан с военными реформами Ф. А. Головина после заключения Нерчинского договора в 1689 г. Гарнизоны забайкальских острогов имели ряд проблем, которые необходимо было решить. Служилые люди Селенгинска получали оклады пеших казаков, однако фактически, выполняли конную службу, не получая от государства денег на содержание лошадей. Это приводило их к обнищанию и недовольству. Селенгинские служилые люди просили увеличить гарнизон и перевести их на более высокие оклады конных казаков. Головин удовлетворил их просьбу, но только частично, приказав быть в конной службе только одной трети людей. Усиление военного контингента острога осуществлялось за счет присылки «временщиков» – служилых людей из Удинска. В дальнейшем последствия этого решения косвенно привели к бунту военных в 1696 г. В статье проводится сравнение личного состава гарнизона Селенгинска в 1683 и 1693 годах. Приведены сведения о службах Д. Многогрешного, Л. Уварова (Федорова), А. Березовского, С. Казанца, И. Новикова, С. Краснояра и др. В дальнейшем, опыт учреждения конной службы в Селенгинском остроге был использован Ф. А. Головиным для реформирования гарнизона Иркутска.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, история, Сибирь, Забайкалье, Даурия, Селенгинск, XVII век

Факторы, определяющие необходимость реформирования селенгинского гарнизона. В 1687–1688 гг. Селенгинск оказался в центре событий, происходящих на юго-восточных рубежах России. В этот период в Забайкалье находился Ф. А. Головин, посол, прибывший в Даурию для переговоров с представителями империи Цин о заключении договора о границе. Маньчжуры оказывали давление на монгольскую аристократию, побуждая ее к нападению на территорию, контролируемую русскими. Монголы просили Ф. А. Головина отдать им бурятов, находившихся в Забайкалье. Не получив согласия, Батур Контайша отправил «лучших людей» в куюках к Байкалу, чтобы «брацких людей к себе побрать в мунгалскую землю». Монголы атаковали Селенгинск и Удинск, разорив близлежащие к ним заимки. Однако русские успешно отразили это нападение в январе-марте 1688 г. и совершили ответные походы в земли кочевников осенью того же года. Ратные люди Головина прошли около 200 верст от Удинска, где в «урочище позади болшого Хилка сошли табунуцких тайшей Серен Секулая с товарыщи». В бою табунуты потеряли 200 чел., а русские захватили много пленных,

табуны коней и рогатый скот. После разгрома в Селенгинск стали прибывать тайши табуноутов и «бить челом» о «вечном холопстве» и ясачном платеже. Кроме табуноутов на российскую территорию переходили и монголы Халхи. Переписав людей¹ и взяв аманатов у лучших зайсанов, Головин «велел им кочевать меж Селенгинска и Удинска по Селенге и по иным сторонним рекам». Эта практика стала распространяться на всех кочевых владетелей, переходящих в подданство России в этом регионе. Кочуя между Селенгинском и Удинском, они были под присмотром и в относительной безопасности от нападения «немирных» соседей [11, л. 77, 79, 87, 337–338²; 3; 12, с. 355–359, 371, 444, 617].

Эти условия нравились не всем. В начале 1690 г. жилец Федор Ушаков доложил Ф. А. Головину о том, что от Селенгинска откочевал в монгольские земли тайша Ирки Кантазия³ и его улусные люди, «забыв шерть свою» и оставшегося в аманатах племянника. Селенгинский сын боярский Демьян Многогрешный, дойдя до «караульного камня» и вверх по Селенге, не нашел тайшу в его обычных кочевьях. Достаточного количества казаков для погони не нашлось [11, л. 11–12]. Весной 1690 года табуноуцкий тайша Цырен Цолухай (Цокулай) и его брат Окин Табунан, «забыв милость и жалованье», бежали от Селенгинска со своими женами, детьми и улусными людьми. Российский подданный, монгольский Тахан Окин заисан, со своими людьми догнал их в верховьях р. Хилок «на Загдале». Беглецы сделали засеку в крепком месте и, не смотря на уговоры, отказались возвращаться.

¹ По данным на 8 января 1689 г. число «выходцев» составляло 1503 чел. мужского пола (около 3000 чел. обоого пола). К августу 1689 г. их число увеличилось до 1852 чел., в т.ч. 324 ясачных плательщика. К 1698 г. в «бгагах» из под Селенгинска, Иркутска и Нерчинска числились 2134 чел. мужчин и женщин, откочевавших на территории, контролируемые Китаем [13, с. 64, 69–79].

² Часть кочевой аристократии должна была находиться в Селенгинске. Эта практика оборачивалась для русской администрации большими расходами. Например, монгольскому Мергень Ахай тайше и 4 его детям должны были давать в месяц 6 руб. 13 алтын поденного корма, а Забову сыну Броною, да Цырен Дехулаеву сыну Гинду Забу по 3 руб. 20 алтын. Однако, деньги на «поденные кормы» в небогатой селенгинской казне быстро закончились и монголам стали выдавать «по оценке» ясачным скотом. Мергень Ахай тайша перешел в русское подданство добровольно и выразил желание креститься вместе со своими ближними людьми. За это Ф. А. Головин освободил его от ясака и повинности выделять подводы на 7 лет. Посланцы тайши ездили в Москву к царю, где передали для него в подарок камки. Жалованье Мергень Ахая на русской службе должно было составить 20 руб., «хлеба вдвое» и 3 пуда соли в год. Ему же в Селенгинске должны были выстроить двор (хоромы). В сентябре 1691 г. из Москвы тайше передали дорогое оружие: булатная сабля «новая, полоса обоюду остра, булатная, ножны хоз черной, оправка и крыж серебряные с чернью под золотом, на Турецкое дело, черен рыбей шедровой, ценою 17 рублей, да пищаль винтовальная с замком, ствол вороненой, мерою аршин 6 вершков, у запала и на середине и на дуле и поясье на стволе насеканы травы серебром, ложа с пером кленовая, врезаны кости, на пере травы и скобы и шонпор с ботиком, и фурма и трещетка и пыжевник, цена 3 рубли». Однако весной следующего года Мергень Ахай бежал на территории подконтрольные Китаю [11, л. 133; 5, с. 269–271].

³ После ухода Ирки Кантазия от его улуса откололись и пришли под Селенгинск «Уйциски зайсан, да Гичюл зайсан, да зять ево, Ирки, Кантазиев Дайбун, всего в пятидесят юртах». Селенгинский сын боярский Иван Поршенников, прибыв в их кочевья, взял у зайсанов аманатов и вновь привел к шерти [11, л. 11–12]. Сам Ирки Кантазия стал кочевать с монгольскими тайшами, подвластными китайскому императору [13, с. 65–66].

Монголы начали стрелять и табунуты, видя, что им не удастся «отсидеться» в их укреплении, решили бежать. Цырен Цолухай и Окин Табунан ушли только с ближними людьми¹, остальные их соплеменники «разбежались в разные крепкие места», где их частично поймали или перебили. Была захвачена жена Окина Табунана Елса, и он на следующий день сдался. Через некоторое время в Селенгинск вернулся и один из сыновей Цырен Солухая Намзал. Причиной побега был слух о том, что бежавшим табунутам запретили кочевать «вдаль по Хилку» и приказали находиться вблизи Селенгинска [11, л. 136–140]. Отметим, что ограничения, введенные Ф. Головиным, были оправданы. Например, откочевавшие от Селенгинска владельцы Кирконтаций и Катанбатер со своими улусами были перебиты в степи джунгарами [11, л. 106].

В апреле 1692 г. из под Селенгинска, ограбив промышленных людей и казаков, перевозящих денежную казну для жалования (107 руб.), убежал мунгальский тайша Бинту Ахай, его племянники Ирки Ахай, Элден Ахай, Чюгал с братом и кормовой тайша Мерген Ахай с зайсанами, шуленгами и со всеми улусными людьми. Кроме того, селенгинские служилые люди регулярно имели столкновения с «немирными» монголами и перебежчиками: «под Селенгинской и под заимки для воровства и отгонов скотских табунов по вся годы во многолюдстве беспрестанно подъезжают и русских людей насмерть побивают и грабят, и скот отгоняют, и беглых крещеных с отгонными табунами в улусы принимают и не отдают». В 7201 (1692/1693) г. они полностью угнали скот и лошадей ясачных бурят, «побив» при этом 30 чел² [13, с. 65–66; 5, с. 283, 288].

Очевидно, что служба в Селенгинске была связана с постоянным взаимодействием с кочевниками, что подразумевало наличие в нем кавалерии. Однако военный штат Селенгинска был укомплектован только пешими казаками, которые, по факту, брали на себя функции конников, не получая за это от государства компенсацию. До конца 80–х гг. XVII в. селенгинский гарнизон с задачами справлялся. Однако необходимость реагировать на активную миграцию кочевых племен, приходящих на русскую территорию и уходящих с нее в 1688–1690 гг., истощила ресурсы военного контингента Селенгинска. Требовались перемены, и Ф. А. Головин это прекрасно осознавал, сообщая в Москву, что без конных казаков в гарнизоне Селенгинска «никоими меры пронытца невозможно» [11, л. 46].

2. Реформа гарнизона Селенгинска в 1690 г. В самом начале 1690 г. селенгинские казаки подали Ф. А. Головину челобитную, в которой написали о том,

¹ Цырен Цокулай с шуленгой Карцага перешел с 800 соплеменниками к мунгальскому тайше Катан-Батуру, находящемуся в подданстве китайского императора [13, с. 64–65].

² С 1691–1692 г. кочевники из под Удинска, Селенгинска, Ильинского острога, Троицкого монастыря, Кабаньей и других заимок угнали 128 голов рогатого скота, 207 лошадей и убили 7 русских людей, а с 1692 по 1694 гг. отогнали «скота рогатого и конного табуна» 1670 скотин [13, с. 67].

что «конную службу служить немочно»¹. В Селенгинске на тот момент было 156 казаков, руководимых Федором Кряжем. Все казаки были записаны как пешие, и получали оклад 5 руб., включая пятидесятников и десятников. Несмотря на это, основная их служба была конная. Состояла она из множества «дальних розсылок» [11, л. 45].

Селенгинские казаки написали в своей челобитной о том, что они постоянно отправлялись в поездки к монгольским тайшам, присягнувшим русскому государю и к ясачным людям для сбора информации о «немирных» тайшах. Последние часто подходили к Селенгинску и Удинску, где «отгоняли» конные табуны и рогатой скот, и людей «побивали непрестанно». Такая обстановка требовала от селенгинских казаков большого напряжения сил, т.к. они постоянно отправлялись в «отъезжие станицы» для того, чтобы монголы не подошли к Селенгинску неожиданно. Из-за частых караулов лошади селенгинцев были истощены и не способны к дальним поездкам. Кроме того, во время масштабного набега монголов к Селенгинску в 1688 г. ими были потоптаны «сена», отчего многие лошади казаков умерли от бескормицы. Для выполнения «государевых служб» казаки покупали лошадей «дорогой ценой» за свой счет, брали в долг. В конечном итоге, они «оскудали и одолжали великими долгами» настолько, что выполнение конных служб стало невозможным. Кроме того, селенгинские казаки жаловались на перебои с получением хлебного жалованья. Для продолжения службы они просили перевести их в конные казаки с назначением соответствующих окладов, чтобы им с «великих государей службы не отбыть» [11, л. 45–47].

Посол и прежде имел уже прямые указания от правительства в 1687–1688 гг. об организации конной службы в Иркутском и других «байкальских острогах». Однако до этого момента, переводить пеших казаков в конные никто не спешил. Видимо, руководство устраивало прежнее положение вещей, т.к. не приходилось тратить больше средств на оклады служилым людям. В связи с этим, Ф. А. Головин в челобитной специально отметил, что у него в полку нет конных казаков, которыми он мог бы усилить Селенгинск. Почти все имеющие у него в наличии конники были оставлены для усиления Нерчинска, а в Удинске вместе с основными силами осталось всего 37 конных казаков, из которых часть была отправлена к Москве с отписками. Так что для решения проблемы оставался только один вариант, поверстать селенгинцев в конные казаки, что и было сделано [11, л. 46–47].

¹ В это же время в феврале 1690 г. селенгинские и нерчинские служилые люди подали челобитную с просьбой о награждении их золочеными копейками. Они обращали внимание на то, что многие годы служат в даурских острогах, где «многожды с неприятелскими мунгалскими людьми бивались, не щадя голов своих». И то, что вместе с людьми Ф. А. Головина «бывали ... во многих походах на неприятелских людей... и на боях бились мужественно, и город Нерчинской, и Селенгинской, и окопы, и всякие осадные крепости во время китайского и мунгалского наступления строили, и во множественные подъезды были посылаемы по часту». Однако, в отличие от «сибирских» полков Ф. А. Головина они не получили наградные золоченые копейки. Посол счел возможным выдать даурским служилым просимую награду «с росписками из остаточных ... которые остались за дачами полковых стрелцов» [11, л. 3, 9–10].

Из 156 пеших казаков для перевода в конную службу выбрали 50 «добрых и к тому годных и прожиточных людей». Пятидесятником стал Антон Березовский (Антошка Березовских). Оклад конных казаков составил 7 руб. 8 алтын 2 денги и «хлеба по шти четвертей ржи, овса по четыре четверти, по два пуда соли человеку». В освободившие оклады пешей службы никого не верстали, видимо опять из экономии. Кроме того, Головин распорядился регулярно присылать из Удинска в Селенгинск по 100 человек. Таким образом, общая численность гарнизона Селенгинска составила 256 чел.: 106 пеших и 50 конных «старых жилых» казаков и 100 «временщиков» [11, л. 47–48]. В случае необходимости гарнизон усиливался дополнительно, например, во время опасности монгольского набега Катан Батура весной 1690 г. в Селенгинск из Удинска были направлены 100 служилых людей [11, л. 16–17].

3. Состав гарнизона Селенгинска в 1690–1693 гг.

В 1693 г. окладной книге селенгинского гарнизона числились 154 чел. Из них на командных должностях – 23 чел. (15 % от общего состава): детей боярских – 4, пятидесятников конных казаков – 2, пятидесятников пеших казаков – 3, десятников конных казаков – 4, десятников пеших казаков – 10. Рядовую службу несли 42 конных казака и 87 пеших казаков. Отдельно выделены 2 толмача [15, с. 43–47].

Интересную информацию можно выяснить при сравнении составов гарнизона Селенгинска в 1683 и 1693 гг., опубликованных в издании «Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск». Из 154 чел., перечисленных в окладной книге 1693 г., 39 чел. (примерно 25 %) являются «старослужащими»¹, бывшими в составе гарнизона и в 1683 г. Таким образом, на протяжении 10 лет поменялось 3/4 состава селенгинских служилых людей. Около 1/3 «старослужащих» ратников к моменту составления окладной книги 1693 г. получили повышение в звании, заняв места десятников, пятидесятников и детей боярских. Часть из них к 1700 г. получила следующие чины. При этом в 1693 г. они занимали почти 50 % окладов, выделенных для командного состава (см. таблицу) [15, с. 43–47].

Еще 31 чел. (примерно 20%), перечисленных в 1693 г. – однофамильцы² служилых людей, входивших в состав гарнизона Селенгинска в 1683 г. С большой долей вероятности, это родственники, зачисленные в службу в приоритетном порядке. В розборном списке 1699 г., отразившем движение по службе в гарнизоне Селенгинска с 1690 по 1699 гг., отмечено, что следуя приказу правительства, места умерших и «побитых» заполнялись, главным образом, за счет родственников детей, братьев и племянников. В то же время Д. Многогрешный с 1690 по 1695 г. приверстал в конную и пешую службу 8 иноземцев новокрещенов, а удинские и селенгинские служилые люди менялись местами [1, с. 405]. Часть селенгинского гарнизона несла годовую службу в Ильинском и Кабанском острогах, проживая в

¹ В таблице обозначены – (с).

² В таблице обозначены – (од).

т.ч. в окружавших их деревнях. Эти «годовальщики» стали основой для формирования собственных гарнизонов в этих крепостях.

13 чел. «старослужащих» (33 % от их общего числа) числились в конных казаках (27 % от выделенных для них мест). Вместе с «однофамильцами-родственниками» они занимали 44 % положенных для конной службы окладов. Приведенные цифры показывают равномерное распределение в гарнизоне мест, имевших высокие оклады (начальные должности, конная служба) между представителями «старых» селенгинских семей и людьми, приверстанными в более позднее время.

Информация о карьере и некоторых службах части людей селенгинского гарнизона приведена в сносках к таблице. Здесь же мы немного более подробно упомянем о бывшем гетмане Запорожского Войска Д. Многогрешном и его сыновьях, не упомянутых в таблице, но имевших большое влияние в Селенгинске в начале 1690-х гг. и Л. Уварове (Федорове) и его брате, представлявших одну из старейших семей Селенгинска.

Демьян Многогрешный и его сыновья Петр и Яков. С начала 1690 г. (не позднее 1 марта) сын боярский Демьян Многогрешный был приказчиком Селенгинска и имел широкие полномочия. Многогрешный решал все вопросы инородцев, перешедших в русское подданство и кочевавших в близи Селенгинска. Он мог приказать сменить кочевья, допрашивал пойманных беглецов о причинах их «шатости» и «обнадеживал» их в государевой милости. Многогрешный принимал послов, узнавал о намерениях монголов. При появлении опасности «прихода» «немирных» соседей для селенгинских ясачных людей он должен был «чинить воинский промысел» в совете с удинским головой, т.к. в Удинске находились основные силы. Важные вопросы Многогрешный согласовывал с иркутским воеводой Л. Кислянским. Последний уважительно именовал его в челобитных «бывший черкасской гетман Демьян Многогрешной» [11, л. 17, 133, 136, 138–139]. Уважали его и кочевники не бывшие российскими поданными. Например, убежавший в степь «новокрещеный детина» Демьяна Многогрешного был выдан джунгарами в Нерчинск [11, л. 108].

Демьян Многогрешный находился в Селенгинске с 7190 года (1681/1682 гг.). Здесь он был поверстан в дети боярские с жалованьем 18 руб. и «хлеба против денег вдвое». Позже «в службу поспели» и сыновья Многогрешного. В дети боярские сначала был поверстан его сын Петр с окладом 9 руб. и «хлеба» по 9 четей ржи и овса и 2 пуда соли¹. Затем, по челобитной Демьяна, сыном боярским стал и другой его сын Яков, получивший оклад 7 руб., «хлеба против денег вдвое» и 2 пуда соли [11, л. 252, 254]. В 1689 г. Демьян Многогрешный отметил, что «будучи в Селенгинском на многих боях и службах, был и ранен, а ныне де он стал стар и от ран болен». Он попросил «освободить» его и сыновей из Селенгинска и перевести их в другой острог «к хлебному месту». По царскому указу они должны были

¹ По просьбе бывшего гетмана оклад Петра при переводе в Иркутск был увеличен до 10 руб. и «хлеба против денег вдвое» [11, л. 252].

переселиться в Томск. Однако 16 апреля 1690 г. Многогрешный попросил отправить его в Иркутск так как «за конечною де скудостью и за далностью, перейти ему в Томской никоими меры невозможно». Ф. Головин рассмотрел его челобитную и удовлетворил просьбу Многогрешного, объяснив свои действия большими заслугами бывшего гетмана во время событий в Даурии 1688–1690 гг.: «Демьян служил вам, великим государем, у меня, холопа вашего, в полку и з детми с прошлого со 196-го году по 198-й год и во всех походах со мною, холопом вашим, также и в посылках, и в отъездах во многих, и на боях были, и в Нерчинску на посолском съезде он, Демьян, был же». Ф. Головин также приказал никого в Селенгинске на их освободившиеся места не верстать, т.к. оклады переводились в Иркутск [11, л. 252–254]. Однако, получив иркутские оклады, Демьян и его дети продолжали нести службу в Селенгинске. В 1691/1692 г. в бою с монголами погиб его старший сын Петр, а затем умер младший сын Яков [8, с. 149–170]. Д. Многогрешный исполнял обязанности приказчика Селенгинского острога как минимум до 23 апреля 1695 г. и не позднее 6 июля 1695 г. его на этом посту сменил Остафий Перфильев. [1, с. 403]

Любим Федоров (с 1691 г. Уваров) и его брат Иван. Л. Федоров начинал свою службу в Селенгинске десятником пеших казаков, оставаясь в своем звании до лета 1684 года, когда по челобитной он был переведен в пятидесятники. Следует отметить, что в памяти енисейского воеводы К. Щербатого он назван единственным пятидесятником в остроге. За свою службу он продолжал получать прежний «десятичный» оклад – 5 р. с полтиною, «хлеба пять четей с осминою ржи, четыре чети овса, два пуда без чети соли» [14, с. 287–290]. В чине пятидесятника в апреле 1689 г. он по поручению Ф. Головина собрал ясак с монголов, присягнувших русской власти и привез его в Удинск [13, с. 70]. В 1691 г. Л. Федоров возглавлял удинских стрельцов в походе на монголов из Селенгинска. В документе, описывающем этот поход, он уже носит фамилию Уваров [8]. Выяснить то что, Любим Федоров и Любим Уваров одно и тоже лицо, помогает наличие у него брата Ивана. В сентябре 1690 г. Иван брат пятидесятника Л. Федорова сопровождал посольство Григория Лоншакова в Китай. После возвращения он был обвинен селенгинским казаком Фролом Сергеевым сыном Чюпровым в краже серебра [10, л. 32–33.]. В окладной книге 1693 г. у сына боярского Любима Уварова есть родной брат Иван Федоров 24-х лет и 16 летний сын Григорий. Не позднее 7200 (сентябрь 1691/ август 1692) г. Любим Уваров переведен в чин сына боярского. В июле 1692 г. по поручению иркутского воеводы И. Гагарина он ездил в Китай к начальным людям Богдыхана с грамотой об измене селенгинских мунгальских тайшей и табунотов, откочевавших в китайскую зону влияния [13, с. 66]. Л. Уваров был состоятельным человеком, он владел кожевней, на которой работали наемные работники по выделке сыромятных, дубленых, крашенных кож и юфтей [7, с. 166]. 22 января 1694 г. по памяти И. Гагарина на место Любима Уварова в дети боярские с окладом 8 руб. был приверстан его брат Иван Уваров (Федоров). До этого Иван Уваров среди служилых людей не числился «был ни в каком чину». Произведен в начальные люди за заслуги брата. В 7204 (1695/1696) г. он был от чина отставлен

«до указа», т.к на его место был приверстан И. Корытов. Однако в 1697 г. с 25 июня по 6 августа он ездил в чине сына боярского к монгольским тайшам Бинту Ахаю, Чинтазию и Арье Зайсанам и Орсолону Зайсану. И. Уваров искал ушедших ясачных табунотов с конными табунами из улуса Окин Зайсана¹, беглых ясырей, а также, казну селенгинских казаков, ограбленную монголами в 1692 г. [1, с. 399, 406; 5, с. 286–288].

Таблица. Состав гарнизона Селенгинска в 1683 и 1693 гг.

1683 г.	1693 г.
<i>Пятидесятники пеших казаков</i>	<i>Дети боярские</i>
Кряж Федор	Арсеньев Иван
<i>Пушкар</i>	Арсеньев Петр ²
Протасов Якунька Андреев сын	Ловцов Гаврило ³ (с)

¹ Окин Зайсан, перейдя в русское подданство, ушел в монгольские земли, однако вскоре снова вернулся под Селенгинск в 204 (1695/1696) [5, с. 290].

² Петр и Иван Арсеньевы – дети боярские, переведенные в Селенгинск из Иркутска. Сын боярский Петр Арсеньев приверстан Ф. А. Головиным с окладом 7 руб. 16 алт. 4 денги. При иркутских воеводах И. Гагарине и А. Савелове к его жалованью были 11 руб., по 11 четей ржи и овса и 4 пуда соли. Пользовался доверием иркутского воеводы А. Савелова. Вместе с его доверенным человеком Игнатием Ханьковым и селенгинскими служилыми людьми осматривал, переписывал и «печатал» своим перстнем товары торговых караванов, шедших из Китая через Забайкалье. Однако позже А. Савелов назвал П. Арсеньева вместе с «новоприсланными в Удинск полковыми стрельцами» зачинщиком бунта 1696 г. Отмечая, что именно по его «подговору» к волнениям присоединились служилые люди Селенгинска, Ильинского и Кабанского острогов. А. Савелов был должен и не отдавал П. Арсеньеву большую сумму денег – 400 руб. Видимо, это было основной причиной того, что Арсеньев стал действовать против воеводы. В разгар бунта даурские служилые люди выбрали П. Арсеньева челобитчиком к Москве. Однако по пути, когда сын боярский остановился в Ильинском остроге, челобитные у него забрали Ганка Безрукой «с товарищи», приехавшие из Селенгинска. В грамоте селенгинских казаков отмечено, что П. Арсеньев сам отказался быть челобитчиком. Он намеревался помириться с воеводой, и получить от него долг. В это же время П. Арсеньев продал свой двор и имущество в Удинске и, забрав жену, собирался уехать в Иркутск. В дальнейшем, уже после активной стадии бунта, он через своего брата Ивана просил А. Савелова вернуть ему деньги, но безуспешно.

В ходе следствия П. Арсеньев обвинялся в том, что приказал арестовать приказчика Ильинского острога Григория Турчанинова и посылал за ним станицы селенгинских казаков, а также, призывал убить его, не дожидаясь царского указа, когда арестованный Турчанинов был привезен в Удинск. Кроме этого ему вменяли в вину участие в дележе «пограбленных животов» Василия Арсеньева и призывы забрать вино иркутского воеводы в Троицком монастыре. Особый интерес следователей вызывало то, что П. Арсеньев якобы узнавал о том, сможет ли имеющийся в Удинске дощаник поднять 300 чел. Если бы эта информация подтвердилась, то в дальнейшем его рассматривали бы как инициатора похода к Иркутску. Однако следствие не нашло подтверждения самым серьезным обвинениям. В 1697 г. П. Арсеньев был отправлен из Селенгинска в Кабанский острог приказчиком, а в 1699 г. он по-прежнему был селенгинским сыном боярским. В этом же году после с него сняли надбавки к жалованью «учиненные» И. Гагариным и А. Савеловым. [1, с. 406; 2, с. 352–375; 14, с. 436].

³ Гаврило Ловцов – один из основателей Селенгинска в 1665 году, бывший енисейский пятидесятник, за свои заслуги был пожалован в дети боярские и исполнял должность приказчика

Татаринов Тимошка ¹	Уваров Любим (с)
<i>Десятники пеших казаков</i>	<i>Конные пятидесятники</i>
Барыбин Максим вместо Омельки Паникадильщикова	Березовской Антон ² (с)
Борода Ондрюшка	Казанец Степан ³
Брянской Гришка	<i>Пешие пятидесятники</i>
Бурлак Васка	Воронцов Тихон ⁴
Вакорин Федька	Чюжакин Леонтий ⁵
Григорьев Оничка	Штинников Андрей ⁶ (с)

Селенгинского острога в 1671–1672 и 1674–1676 гг. В начале 1690–х гг. он уже был в почтенном возрасте и, вероятно, уже не принимал активного участия в жизни гарнизона [16].

¹ Пушкарь Селенгинска и мастер медник [7, с. 159].

² Антон Березовский служил в Селенгинске рядовым и десятником пеших казаков, затем получил чин пятидесятника конных казаков, выбранных из числа «лучших» селенгинских служилых людей. Его авторитет в среде селенгинских служилых людей был очень большим. Березовский часто представлял их интересы в т.ч. во время смуты в даурских острогах в 1696 г. Из документов, относящихся к 1695–1696 гг., мы видим, что и администрация Селенгинска поручала ему наиболее важные задания. Березовский имел свое знамя «небольшое китайчатое белой да черной китайки мерою в аршин», которое пятидесятник использовал при проезде с казной для того, чтобы было видно, что это «государев» караван. При необходимости, он по приказу приказчика Селенгинска Остафья Перфильева собирал в острог селенгинское «войско», разбросанное по деревням. Кроме того, с ведома администрации он мог вести расспросные дела и наказывать батогами, не приводя обвиняемого в приказную избу. Руководил приемом и доставкой хлебного жалования из Иркутска. В 1691 г. тунгусы убили трех дворовых людей А. Березовского, беглецов и возместили ему «ущерб» пригнав табун из 150 лошадей и скот. 23 марта 1695 г. иркутский воевода И. Гагарин добавил к жалованью 2 руб., по 2 чети ржи и овса, пуд соли (к 7 руб. 25 алт.). Однако в 1699 г. воевода И. Николев эту прибавку отменил. В августе-сентябре 1697 г. участвовал в поездке отряда И. Уварова к монгольским тайшам для урегулирования острых вопросов. [11, л. 47–48; 1, с. 402, 406; 2, 363, 366, 369–370; 5, с. 288, 292; 7, с. 143; 9, с. 98–108; 14, с. 426, 430].

³ Степан (Стефан, Стенька) Прокопиев сын Казанец (Казан). В 7200 (1691/1692) г. приверстан из десятника конных казаков на место конного пятидесятника, освобожденное Любимом Уваровым (Федоровым) с окладом 7 руб. с полтиною. Второе по значимости лицо после А. Березовского в войске. В 1692 г. был приказчиком Кабанского острога. 30 октября 1695 г. по памяти иркутского воеводы А. Савелова был повышен в чин сына боярского с прибавкой к прежнему жалованью 2 руб. 50 коп., 2 чети с осьминою хлеба и полпуда соли. В 1696 г. С. Казанец был выбран селенгинскими казаками приказчиком Ильинского острога «до перемены» после ареста прежнего приказчика Г. Турчанинова. В сентябре 1697 г. принимал меры по поиску «воровских» монголов и тунгусов, угонявших скот и лошадей. В 1699 г. в результате проверки верстания в оклады селенгинского гарнизона, отставлен от своего чина в предыдущее звание пятидесятника «до указа». 21 ноября 1700 г. снова в звании сына боярского стал приказчиком Селенгинского острога, приняв его у П. Киргиза [1, с. 400–401; 2, с. 358, 361; 5, с. 287; 14, с. 438].

⁴ 27 октября 1694 г. Т. Воронцов выписан из оклада селенгинских пятидесятников, а на его место назначен Дмитрий Торокановский [1, с. 402].

⁵ Отмечен как пятидесятник в 1699 г. Видимо, был неграмотен. На разборном списке 1699 г. вместо него расписался Х. Хрисанфов. В документах отмечен также как Левка Чужакин [1, с. 405; 14, с. 427].

⁶ А. Штинников начинал службу в Селенгинске рядовым казаком, затем пятидесятником пеших казаков. В апреле 1695 г. А. Штинников переведен пятидесятником в Иркутск. Он и его брат Иван,

Колесарев Мишка	<i>Толмачи из конных казаков</i>
Палкан Антипка	Киргиз Петр ¹
Паникадильщиков Омелько для старости поверстан вместо убитого в 191 г. Аникеева Ивашки	Уразов Гурей (десятник) ² (од)
Степанов Васько	<i>Конные десятники</i>
Тварогов Сенька	Корытов Иван Алексеев сын ³ (с)
Уразов Данилко	Краснояр Семен ⁴
Федоров Любишка	Новиков Иван (с) ⁵

известный иркутский предприниматель и торговец, основатели крупного мыловаренного производства, обеспечивавшего мылом Прибайкалье и Забайкалье. В круг предпринимательских интересов А. Штинникова входила также русско-китайская торговля [1, с. 403; 7, с. 167, 210–211, 219].

¹ Петр Парамонов сын Киргиз (Петр Кыргызов) приверстан в толмачи в 200 (1691/1692) г. из конных казаков с прибавкой к окладу 2 алт. и по 2 чети овса и ржи. В 1699 г. прибавка была отменена. В 1694 г. не раньше февраля ездил к монголам и возвратил угнанный из под Селенгинска скот. С той же целью ездил сентябре 1696 г. к тайше Ирдени–контасия. В 1700 г. с 6 сентября до 21 ноября исполнял обязанности приказного человека Селенгинского острога в звании казака. В этот период принимал посольства от монгольского Геген Кутухты и Дундук хана. [1, с. 403–404, 407; 5, с. 289, 291, 294; 13, с. 65–66; 14, с. 438].

² Г. Уразов приверстан в толмачи в 200 (1691/1692) г. из конных десятников с прибавкой к окладу 2 алт. и по 2 чети овса и ржи. В 1699 г. прибавка была отменена. С 25 июня по 6 августа 1697 г. ездил с отрядом И. Уварова к монгольским тайшам для поиска ушедших к ним ясачных табунутов из улуса Окин Зайсана, беглых ясырей, а также казны селенгинских казаков, ограбленной монголами в 1692 г. С 12 августа по 3 сентября 1697 г. был в составе отряда, искавшего конные табуны, угнанные монголами из под Селенгинска и Удинска [1, с. 403–404, 407; 5, с. 286–287.].

³ И.А. Корытов по приказу иркутского воеводы И. Гагарина в марте 1692 г. поверстан из рядовых конных казаков в освободившийся оклад конного десятника Федора Леонтьева. С прибавкой жалованья 8 алтын 2 деньги. В августе 1693 г. переведен в чин пятидесятника Кабанского острога с окладом 7 руб. 25 алтын. 9 января 1696 г. по приказу иркутского воеводы А. Савелова зачислен в селенгинские дети боярские «на выбылое место» Любима Федорова, которое в это время занимал его брат Иван Федоров. Оклад 7 руб. В 1697 г. (назначен не позднее 21 июня) приказчик Селенгинского острога [1, с. 401–403; 5, с. 286–288].

⁴ Семен Краснояр пользовался большим доверием и уважением в войске, выполнял важные поручения. Например, в 1689 г. он в качестве толмача вместе с другими даурскими служилыми людьми сопровождал монгольских посланцев Москву, в Сибирский приказ и обратно в Сибирь. Весной 1690 г. С. Краснояр с 3–мя казаками доставлял в Селенгинск денежную казну для жалованья служилым людям и был ограблен монголами. В августе 1692 г. по памяти И. Гагарина «за многие его службы, и за кровь, и за раны, и за осадное сидение» его оклад был увеличен на 8 алт. 2 деньги. В 1696 г. по решению приказчика Селенгинского острога О. Перфильева и «по выбору селенгинских всех служилых людей» ездил в Иркутск за денежным жалованием для селенгинцев. В 1696 г. о время смуты в даурских острогах по войсковому выбору С. Краснояр прибыл в Москву с челобитной о «неправдах» и измене иркутского воеводы А. Савелова. В это же время оказался замешан в дело об убийстве иркутских казаков, селенгинцами, которые его сопровождали. Умер в Москве в 1696 г. [11, л. 58–59; 1, с. 404; 2, с. 361, 367, 372, 363, 366, 368; 5, с. 283, 286; 6, с. 332; 13, с. 65; 14, с. 426–427, 432].

⁵ В июле 1692 г. Иван Новиков по приказу иркутского воеводы И. Гагарина приверстан из рядовых конных казаков в десятники в место С. Казанца, ставшего пятидесятником. 23 апреля 1695 г. он по памяти иркутского воеводы А. Савелова назначен пятидесятником пеших казаков Селенгинска в освободившееся место Андрея Штинникова. Оклад остался «десятникчий» 7 руб. 8 алт. 2 денги. 6 июля

Рядовые пешие казаки	Торокановской Дмитрий ¹
Аверкеев Екимко	<i>Пешие десятники</i>
Аверкеев Коземка ²	Алемас Аника
Аверкиев Софронко	Брянской Василий (од)
Андреев Васко ³	Бурлак Василий (с)
Андреев Лучка	Внифантьев Федор (с)
Андреев Митька	Ловцов Григорий
Андреев Федька	Максимов Антипа
Андреев Филька	Паникадильщиков Емельян ⁴ (с)
Анфимов Ганка	Ревякин Иван
Анфимов Оверька	Творогов Семен ⁵ (с)
Бажедомов Якунька	Шемякин Дунай ⁶ (с)
Баженин Федька	<i>Рядовые конные казаки</i>
Барабанщик Алешка	Агафонов Карп
Белоглаз Офонька	Андреев Дмитрий умер в 200 г. в посылке к Москве в провожатых за Бушухтухановыми посланцы (с)
Березовской Мишка	Арсеньев Иван

1695 г. А. Савелов приказал И. Новикова приверстать в дети боярские Удинска. Новиков и конный казак Василей Веснин были в числе тех, кого удинские, селенгинские и ильинские «которые живут по займам» в 1695 г. звали приехать в Ильинский острог из Кабанского острога к «доброму совету», предшествующего конфликту с иркутским воеводой. В деревню к И. Новикову заезжал инициатор бунта удинских казаков Моська Борисов, возвращавшийся из Иркутска, где казаки не получили полное денежное жалование, а также хлебные и соляные оклады. После этой встречи, приехав в Удинск, стрельцы самовольно сместили с поста приказчика Андрея Бейтона. Затем по «велению» удинских стрельцов И. Новикова «посадили» в приказчики Ильинского острога после смещения Г. Турчанинова. В 1696 г. удинский сын боярский И. Новиков служил приказчиком Кабанского острога. В это же время в личной переписке между братьями Арсеньевыми отмечено, что он незаконно занимался «винокурством» [1, с. 400; 2, с. 353, 357–359, 362, 376; 14, с. 433].

¹ Дмитрий Торокановский (Митка Таракановский) (до службы был торговым человеком) в октябре 1694 г. по памяти иркутского воеводы И. Гагарина получил чин конного пятидесятника Селенгинского острога, заняв выбылое место Т. Воронцова. К его окладу 7 руб. было добавлено 16 алт. 4 денги. В 1699 г. иркутский воевода И. Николев приказал вернуть Д. Торокановского в прежнее звание. Будучи состоятельным человеком, активно участвовал в русско–китайской торговле [1, с. 402, 406; 7, с. 210, 219, 222; 14, с. 427, 435, 438].

² В 1681 г. чинил казенные мушкеты [7, с. 159].

³ Занимался мясным производством и торговлей [7, с. 180].

⁴ Десятник Емельян Паникадильщиков упомянут в числе руководителей бунта «заморских казаков» в 1696 г. [2, с. 353–359, 361; 14, с. 423].

⁵ Сын С. Творогова казак Васька Творогов, в мае 1696 г. привозил в Удинск «грамотку», от селенгинских служилых людей, а в 1697 г. отписки в Иркутск (в 1694 г. в возрасте 20 лет он еще не числился в составе гарнизона) [2, с. 354; 5, с. 287].

⁶ В 1697–1699 г. Дунай (Дунайко) Шемякин по прежнему был десятником пеших казаков. «Прикладывал руку» к расспросным речам, касающимся смуты 1696 г., ездил в 1697 г. в Иркутск с отписками. В 1680 г. участвовал в производстве пушки, которую отлил Семен Разгильдяев [2, с. 373; 5, с. 287; 7, с. 159].

Березовской Онтонко	Баженин Федор (с)
Бобайловых Оничко	Борода Дмитрий (Евсевьев) ¹ (с)
Бодорой Ивашко	Брянской Иван ² (од)
Борисов Ивашко	Бурдуковской Максим ³
Борода Митька Евсеев сын	Веснин Василий ⁴
Ботов Данилко	Голой Афанасий
Бронников Агафонко	Григорьев Кипряшка (од)
Бушков Пашко	Дмитреев Леонтий
Васильев Офонька	Домашев Матвей
Верхотур Федотко	Дубинин Василий (од)
Внифантьев Федько	Дубинин Иван ⁵ (с)
Высокой Стенька	Евтифеев Федот
Гранин Алешка	Калинин Федор (с)
Григорьев Вавилко	Кокорин Василий (с)
Григорьев Трошка	Кокорин Петр (од)
Гусев Ивашко	Коренев Сава Федоров сын (од)
Денисов Тренька	Крымов Иван
Дубинин Ивашко	Мокеев Василий
Дунаев Ивашко	Некрасов Ерофей ⁶
Едомской Захарко	Немчинов Леонтий, убит в 199 г.

¹ Дмитрий Евсевьев сын Борода 1 сентября 1697 г. был поверстан в десятники конных казаков в освободившееся место Ивана Новикова. В августе-сентябре 1697 г. участвовал в поездке отряда И. Уварова к монгольским тайшам для урегулирования острых вопросов [1, с. 403; 5, с. 288].

² В 1695–1696 г. был одним из лидеров селенгинских служилых людей. В документах фигурирует как «Ивашко Брянской с товарищами». Был грамотен, расписывался за сослуживцев [5, с. 292; 14, с. 427].

³ Приверстан в Селенгинский гарнизон из числа торговых людей. В 7200 г. (1691/1692) монголы угнали с заимки М. Бурдуковского 9 лошадей и 13 скотин рогатых [13, с. 66]. 1 марта 1695 г. переведен из рядовых конных казаков в десятники в освободившееся место Ивана Корытова, назначенного пятидесятником Кабанского острога. Продавал в Китае свои товары. В документах 1695–1696 г. отмечен также его однофамилец селенгинский десятник Степка Бурдуковский [7, с. 210–211; 14, с. 427].

⁴ 14 сентября 1694 г. конный казак В. Веснин по памяти И. Гагарина был выписан из окладных книг Селенгинска и приверстан в Кабанский острог пятидесятником. Оклад 7 руб. 50 коп. В. Веснин известен как крупный предприниматель, занимавшийся добычей соли и подрядчик, поставлявший хлеб в казну [1, с. 403; 7, с. 183–184].

⁵ В августе-сентябре 1697 г. сын Ивана Дубинина казак Сенка Дубинин участвовал в поездке отряда И. Уварова к монгольским тайшам для урегулирования острых вопросов. В 1694 г. Сенке было 24 года и он еще не был приверстан [5, с. 286–288; 15, с. 47].

⁶ Ерофей (Ерошка, Юрко) Некрасов в августе-сентябре 1697 г. участвовал в поездке отряда И. Уварова к монгольским тайшам для урегулирования острых вопросов. Был грамотен. Написал ряд документов Селенгинского острога: грамотку удинским стрельцам с предложением о взаимопомощи во время смуты 1696 г. (по приказу А. Березовского, Л. Чужакина и Ивана Ловцова), отчет о ходе и результатах поездки (доезд) к монголам в 1697 г. 1 сентября 1698 г. Е. Некрасов поверстан в конные десятники в место С. Краснояря, умершего в 1696 г. Имел по приказу воеводы И. Гагарина прибавку к жалованью 8 алт. 2 денги, отмененную в 1699 г. И. Николевым [1, с. 404, 407; 2, с. 366; 5, с. 288].

Елисеев Офонька	Пежемской Тимофей вместо убитого в в 199 г. Федотова Ивана (с)
Емельянов Мирошка	Портняга Микита в 201 г. переведен в конную службу по Удинску
Еремеев Сенька	Ревякин Петр
Ероцкой Трошка	Розгильдеев Иван
Иванов Лазарько	Сапожник Иван
Иванов Сергушка	Серебреник Иван Осипов сын (од)
Иконник Игнашка	Степанов Григорий (од)
Иконник Ооска	Степанов Микифор ¹ (с)
Калинин Ивашко	Татаринов Иван (од)
Калинин Федька	Творогов Григорий (од)
Кириллов Якушка (в 191 г. из казачьи службы за скорбью отставлен)	Торокановской Филип
Клюй Ивашко	Турчанинов Клим (с)
Кожевников Пашко вместо убитого в 191 г. Макарова Савки	Тюхин Андрей
Кокорин Васка	Федотов Мокей (с)
Колесников Ивашко	Фотеев Василий
Колотовской Якушко	Хабаров Илья (умер в 201 г.)
Кондратьев Алешка	Харитонов Стефан ²
Кондратьев Екимко	Чюжакин Иван
Корытов Ивашко вместо Васильева Тришки (в 191 г. для увечья из казачьи службы выписан)	Юдин Гурей
Кошлок Данилко	<i>Рядовые пешие казаки</i>
Крисантьев Хорька	1. Аверкиев Еким (с)
Ларионов Кирилко	2. Агеев Денис
Ленской Ивашко	3. Анисимов Гаврило ³
Леонтьев Федька	4. Анфилофьев Козма
Леонтьев Федька (умер в 191 г.)	5. Анфимов Гаврило ¹ (с)

¹ В 205 (1696/1697) конный казак Никифор Степанов по его челобитью стал стрельцом в Удинске, поменявшись местами со своим братом Куской Дуркиным [1, с. 405].

² Харитонов Стефан (Стенка) в 1695–1696 г. служил десятником Селенгинского острога [14, с. 427].

³ Гаврило (Ганко, Гашко) Анисимов сын Безруков. За убийство двух служилых людей сослан из Тобольска в Даурию вместо смертной казни. Служил в Албазинском остроге, а после его разрушения в 1689 г. переведен в Селенгинск. 1 марта 1693 г. приверстан по приказу Д. Многогрешного в пешую службу из «присыльных людей» на место убитого казака Матюшки Яковлева. Активно участвовал в «бунте заморских казаков» 1696 г. в связи с чем, часто упоминается в документах об этом событии. В 1699 г. отставлен от службы «быть в том чину, в чем прислан» [1, с. 404, 407; 2, с. 372, 427, 429–430; 4].

Лукин Трошка	6. Анфимов Томило (од)
Матвеев Сенька ²	7. Анцыфоров Иван
Медведев Сенька	8. Афанасьев Лука
Микитин Ондрюшка	9. барабанщик Алексей (с)
Микитин Федька	10. Бачанской Петр ³
Нарымской Гараска	11. башкир Яков
Нарымской Ивашко	12. Березовской Михайло (с)
Новиков Ивашко	13. Березовской Трофим убит в 200 г. (од)
Осипов Ортюшка	14. Борисов Филат ⁴ (од)
Офонасьев Мишко	15. Бронник Агафон в 201 г. за старость и за увечье от службы освобожен (с)
Пахорук Ивашко	16. Бунин Степан
Перетолчин Лучко	17. Бушков Павел (с)
Петров Савка	18. Васильев Герасим (од) ⁵
Попов Ивашко	19. Верхотур Ефремка убит в 200 г. (од)
Прокопьев Стенька	20. Вилской Иван
Родионов Филька	21. Володимеров Иван
Своробовых Ефремко	22. Гаврилов Костя
Седальской Митька	23. Григорьев Родька (од) вместо умершего в 201 г. Тобольского Григория (с)
Семенов Ортюшка	24. Гудзий Васка
Семенов Федько	25. Гусев Иван (с)
Сергеев Фролко	26. Денисов Третьяк (с)
Серебряник Федька	27. Деревня Кирило
Скуратов Алешко	28. Дубинин Михайло (од)
Скуратов Олешко	29. Еротцкой Трофим
Смиренников Онцыфорко	30. Ефтифеев Федор

¹ Анфимов Гаврило руководил селенгинскими казаками во время приема хлебных запасов, кричного железа, а также судовых скоб и гвоздей в июне 1694 г. в Идинском остроге [6, с. 305].

² В 1681 г. чинил казенные мушкеты [7, с. 159].

³ Петр Бачанский упомянут как один из активных участников смуты 1696 г. Сопровождал С. Краснояра с челобитной в Москву до Брацкого острога, где участвовал в столкновении с иркуцкими казаками [2, с. 372].

⁴ Филат Борисов умер до конца августа 1696 г. На его место прибран «для малолюдства» его племянник Филька Петров из пашенных людей Илимского острога. Последний оставил за себя человека «в пашенном десятинном тягле» [1, с. 404].

⁵ Герасим (Гаранька) Васильев в 1696 г. обвинялся в том, что «соболи и пупки войсковые воровал». 21 июня 1697 г. он из пеших казаков был переведен в конные на место В. Веснина «для розсылок и малолюдства конных казаков» [1, с. 403; 2, с. 366].

Степанов Микишко	31. Завьялов Федор
Степанов Минко	32. Иванов Изот (од)
Сургуцкой Ивашко	33. Иванов Лазарь (с)
Сысолетин Стенька	34. Иванов Сергей (с)
Тимофеев Левка	35. Карташев Тимофей
Тихонов Кондрашка	36. Кирик Иван в 199 г. за скорбью от службы отставлен
Тобольской Гришка вместо новокрещена Васки (в 191 г. из казачьи службы за болезнью отставлен)	37. коновал Артемий
Томской Пашко	38. Котюрев Федор ¹
Томской Софонко ²	39. Кочень Осип Борисов сын (од) ³
Турпан Гришка	40. Краснояр Артемий
Турчанинов Климко	41. Краснояр Василий
Уваров Гараска	42. Краснояр Наум
Удачин Федька вместо барабанщика Васки (в 191 г. за старостью и для увечья из казачьи службы отставлен)	43. Крутков Семен
Уланов Ооска	44. Кузнецов Стефан
Унжак Стенка	45. Лаптев Михайло
Уской Ондрюшка	46. Лемзяков Иван
Устинов Ивашко	47. Ловцов Иван ⁴
Устинов Трошка	48. Льин Иван
Федоров Ерошка	49. Любушин Стефан
Федоров Микитка	50. Макаров Данило (од)
Федоров Сергушка	51. Медведев Андрей (од)
Федотов Ивашко	52. Молодой Трофим Григорьев сын (с)
Федотов Мокейко	53. Нарымской Василий (од)
Хмелев Ивашко	54. новокрещеной Федька
Хохлов Петрушка	55. Новоселов Костя
Чепало Стенька	56. пелымец Василий
Шарапов Ивашко Матвеев сын	57. плотник Ефрем
Шемякин Дунайко	58. Попов Василий (од)

¹ Федор (Федька) Котюрев в 1696 г. отмечен как селенгинский подъячий [2, с. 353–359, 361].

² Занимался мясным производством и торговлей [7, с. 180].

³ Оська (Осип) Кочень упомянут как один из активных участников смуты 1696 г. Сопровождал С. Краснояра с челобитной в Москву до Брацкого острога, где участвовал в столкновении с иркуцкими казаками [2, с. 354, 372].

⁴ В 1695–1696 г. был одним из лидеров селенгинских служилых людей. Вместе с пятидесятниками А. Березовским и Л. Чужакиным был инициатором создания «грамотки» к гарнизону Удинска о взаимопомощи во время смуты 1696 г. [2, с. 366].

Штанников Андрюшка вместо убитого в 191 г. Шадрикова Максимки	59. Протасов Якунька ¹ (пушкарь) (с)
Шубин Тимошка	60. Распопов Сергей
Яковлев Евдокимко	61. Ревякин Яков убит в 201 г.
Яковлев Матюшка ²	62. Резанов Иван ³
Яковлев Филька вместо убитого в 191 г. Яковлева Ивашки	63. Розгидеев Федор
	64. серебряник Федор Максимов сын (с)
	65. Сидоров Семен
	66. Степанов Миня (с)
	67. Стукалов Михайло
	68. Сур Данило
	69. Сургутцкой Матвей в 201 г. бежал (од)
	70. Сурытцкой Яков
	71. Торокановской Григорий ⁴
	72. Туголуков Афанасий
	73. Тюхин Кондратий
	74. Уваров Борис (од)
	75. Удачин Петр (од)
	76. Уской Андрей (с)
	77. Устинов Иван (с)
	78. Федоров Алексей (од)
	79. Федотов Иев ⁵ (од)
	80. Федотов Павел за старость и за увечье от службы освобожден (од)
	81. Хабаров Терентий
	82. Хрисанфов Харитон ⁶ (с)

¹ Пушкарь Селенгинского острога. Делал для пушек колеса [7, с. 159].

² Убит до 1 марта 1693 г. [1, с. 404].

³ 1 апреля 1694 г. пеший казак Резанов Иван «по челобитью, поменялся ... с селенгинским посацким человеком, а своим сродичем Федотом Ивановым». В посаде И. Резанов получал 10 алт. [1, с. 404].

⁴ Григорий Торокановский брат Дмитрия Торокановского. В октябре 1694 г. переведен на место брата в чин конного казачьего десятника, после того как тот занял место конного пятидесятника. В 1699 г. иркутский воевода И. Николев приказал вернуть Г. Торокановского в прежнее звание [1, с. 402, 407].

⁵ Выбыл со службы не позднее 205 (1696/1697) г. на его место по челобитью поверстан из пашенных крестьян Федка Бурдуков (Бурдин), оставивший за себя человека «в пашенном десятинном тягле». В 1699 г. Ф. Бурдуков был отставлен от службы в пашню [1, с. 404–405, 407].

⁶ В 1699 г. по прежнему был рядовым казаком Селенгинска. Был грамотен, расписывался за начальных людей [1, с. 405].

	83. Челбунин Микита
	84. Черепан Иван
	85. Шадриков Денис (од)
	86. Шестепер Данило
	87. Шубин Тимофей (с)

Подводя итог, отметим, что реформа состава гарнизона Селенгинска, проведенная в 1690–1691 гг., носила половинчатый характер. Только треть служилых людей были переведены в конную службу и получили более высокие оклады, учитывающие содержание лошадей. Несомненно, эта мера сняла в некоторой степени напряженность в военном коллективе гарнизона, однако не решила проблемы. Две трети казаков, по-прежнему, получая пешие оклады, были задействованы в тех же службах, что и конные казаки, что негативно сказывалось на их материальном положении. Через несколько лет в 1696 г. перебои с финансированием из-за злоупотреблений администрации Иркутского уезда привели к участию гарнизона в «бунте заморских казаков», следствием которого стало ослабление контроля за границей и набег кочевников на русские территории.

Список использованных источников и литературы

1. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. – С. Петербург: типография Императорской Академии наук. 1884. – Т. 3. – 522 с.

Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rossii. – S.Peterburg: tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. 1884. – Т. 3. – 522 с.

2. Александров В. А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // Археографический ежегодник за 1961 год. – М. 1962 – С. 345–386. Aleksandrov V. A. Materialy o narodnykh dvizheniyakh v Sibiri v kontse XVII veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. – М. 1962 – С. 345–386.

Aleksandrov V. A. Materialy o narodnykh dvizheniyakh v Sibiri v kontse XVII veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. – М. 1962 – С. 345–386. Aleksandrov V. A. Materialy o narodnykh dvizheniyakh v Sibiri v kontse XVII veka // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1961 god. – М. 1962 – С. 345–386.

3. Багрин Е. А. Сибирские полки во время похода Ф. А. Головина в Даурию. 2 часть: Военные действия в Забайкалье (1687–1688 гг.) // Известия лаборатории древних технологий. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 129–144.

Bagrin E. A. Sibirskie polki vo vremya pokhoda F. A. Golovina v Dauriyu. 2 chast': Voennye deistviya v Zabaikal'e (1687–1688 gg.) // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii. – 2020. – Т. 16. – № 4. – С. 129–144.

4. Багрин Е. А. «Бунт» или «смятение»? к вопросу о характере беспорядков удинских и селенгинских служилых людей в 1696 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 19–36.

Bagrin E. A. «Bunt» ili «smyatenie»? k voprosu o kharaktere besporyadkov udinskikh i selenginskikh sluzhilykh lyudei v 1696 g. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 19–36.

5. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1867. – Т. 10. – 504 с.

Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkheograficheskoi komissiei. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa, v Ofiterskoi ulitse, dom № 26, 1867. – Т. 10. – 504 с.

6. Красноштанов Г. Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. – Иркутск, 2008. – 378 с.
Krasnoshtanov G. B. Nikifor Romanov Chernigovskii: dokumental'noe povestvovanie. – Irkutsk, 2008. – 378 s.
7. Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). – М.: Московский педагогический государственный университет, 2012. – 321 с.
Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII v. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov). – M.: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2012. – 321 s.
8. Оглоблин Н. Служба в Сибири Демьяна Многогрешного // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. – Киев, 1892. – С. 149–170.
Ogloblin N. Sluzhba v Sibiri Dem'yana Mnogogreshnago // Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa. – Kiev, 1892. – S. 149–170.
9. Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска. – СПб., 1902 – 198 с.
Pervoe stoletie Irkutsk. V pamyat' 250-letiya Irkutsk. – SPb., 1902 – 198 s.
10. РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 56. Л. 32–33.
RGADA. F. 1142. Op. 1. D. 56. L. 32–33.
11. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1059. Л. 3, 9–12, 16–17, 45–48, 58–59, 77, 79, 87, 106, 108, 133, 136–140, 252–254, 337–338.
RGADA. F. 214. Op. 3. Stb. 1059. L. 3, 9–12, 16–17, 45–48, 58–59, 77, 79, 87, 106, 108, 133, 136–140, 252–254, 337–338.
12. Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. – М.: Наука, 1972. – Т. 2. – 835 с.
Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII veke: Materialy i dokumenty. 1686–1691 / sost. N. F. Demidova, V. S. Myasnikov. – M.: Nauka, 1972. – T. 2. – 835 s.
13. Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы: 1725–1727 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. – Москва: Наука, 1990. – Т. 2. – 669 с.
Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke: Materialy i dokumenty: 1725–1727 / sost. N. F. Demidova, V. S. Myasnikov. – Moskva: Nauka, 1990. – T. 2. – 669 s.
14. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1. – 493 с.
Sbornik dokumentov po istorii Buryatii. XVII vek / sost. G. N. Rumyantsev, S. B. Okun'. – Ulan-Ude, 1960. – Vyp. 1. – 493 s.
15. Сибирские города: Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. – Москва: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. – 146 с.
Sibirskie goroda: Materialy dlya ikh istorii, XVII–XVIII stoletii: Nerchinsk. Selenginsk. Yakutsk. – Moskva: tip. M. G. Volchaninova, 1886. – 146 s. 43–78
16. Тиваненко А. В. Приказные люди Селенгинского острога XVII–XVIII вв. // Этнокультурное наследие Сибири и туризм: проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 350-летию со дня основания Селенгинского острога, 40-летию Новоселенгинского музея декабристов; Селенгинский район, пос. Новоселенгинск; г. Улан-Удэ, 10–11 сентября 2015 г. – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА имени В. Р. Филиппова, 2015. – С. 65–67
Tivanenko A. V. Prikaznye lyudi Selenginskogo ostroga XVII–XVIII vv. // Etnokul'turnoe nasledie Sibiri i turizm: problemy i perspektivy: materialy mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoi 350-letiyu so dnya osnovaniya Selenginskogo ostroga, 40-letiyu Novoselenginskogo muzeya dekabristov; Selenginskii raion, pos. Novoselenginsk; g. Ulan-Ude, 10–11 sentyabrya 2015 g. – Ulan-Ude: Izd-vo BGSKhA imeni V. R. Filippova, 2015. – S. 65–67

Bagrin E. A. Selenginsk garrison and cavalry foundation in 1690–1693

The article examines the issues related to Selenginsk garrison in the 90s XVII century. This period in Dauria is associated with the military reforms of F.A. Golovin after the conclusion of the Treaty of Nerchinsk in 1689. The garrisons of Trans–Baikal forts had a number of problems that had to be solved. Selenginsk warriors got salaries like foot Cossacks, but in fact they performed equestrian services without receiving money from the state for horse service. This circumstance led them to impoverishment and discontent. Selenginsk warriors asked to increase the garrison and pay them higher salaries as for horse Cossacks. F. Golovin granted their request partially – he transferred only one third of people to the equestrian service. Udinsk warriors or «temporary workers» were transferred to Selenginsk for strengthening the military contingent of the fortress. The consequences of this decision indirectly led to a military revolt in 1696. The article compares the personnel of Selenginsk garrison in 1683 and 1693. There is information about the military services of warriors: D. Mnogogreshny, L. Uvarov (Fedorov), A. Berezovsky, S. Kazants, I. Novikov, S. Krasnoyar and others. The experience of cavalry foundation in the Selenginsk fortress were used by F. Golovin to reform Irkutsk garrison.

Keywords: warriors, Cossacks, history, Siberia, Dauria, XVII century